Матусевич, Р. Н. Теория модернизации и проблема российской интеллигенции в западной историографии / Р. Н. Матусевич // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 165–171.

Р. Н. МАТУСЕВИЧ

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Западная историография по рассматриваемой проблеме может быть подразделена на ряд научных направлений, которые отличаются друг от друга по следующим параметрам: 1) теоретико-методологической базой; 2) категориально-понятийным аппаратом; 3) тематикой исследований (т. е. доминирующим каноном сюжетов, изучение которых признавалось наиболее целесообразным); 4) научными и вненаучными факторами, которые содействовали формированию данного направления. По выделенным критериям западная русистика отчетливо распадается на три направления, или «школы».

1. Историография «истоков русской революции»: основной фактор формирования — острое идеологическое противостояние США и СССР в первые десятилетия после Второй мировой войны, стимулирующее интенсивное финансирование научных программ по советологии. Главная задача — выработать альтернативную концепцию Октябрьской революции. Центральное место в этой концепции занима-

ют два понятия — «вестернизация» и «интеллигенция», каждое из которых аккумулирует вокруг себя два полюса восприятия российского прошлого. С «вестернизацией» связываются все позитивные моменты истории России, с «интеллигенцией» — негативные. «Интеллигенция» трактуется преимущественно как главный фактор, препятствующий успешному развертыванию процесса вестернизации на российской почве.

В рамках концепции несостоявшейся вестернизации Российской империи анализирует проблему альтернатив развития Дитрих Бейрау. Немецкий историк обращает внимание на «дуальную структуру дореволюционной России», которая детерминировалась наличием двух альтернативных путей развития: реформистского и революционного, капиталистического и социалистического. «Обе альтернативы, — подчеркивает Д. Бейрау, — имели своих сторонников и противников в образованных слоях. Как в их социальной позиции, так и в их образе мыслей (Geist) преломлялась эта внутренняя раздвоенность. Интеграция профессиональной интеллигенции (Intelligenz) в …буржуазно-коммерческую культуру и техноструктуру противостояла несущей угрозу маргинализации классического типа революционного «интеллигента» [3, с. 585—586]. Таким образом, выбор той или иной альтернативы, согласно этому историку, зависит от «интеллигенции», которая тоже характеризуется раздвоенностью: с одной стороны, профессиональные классы, с другой — революционная социалистическая интеллигенция. Результат противостояния зависит от некоторых объективных факторов. Так, Д. Бейрау полагает, что Первая мировая война «разрушила» капиталистическую альтернативу и содействовала успеху революционной интеллигенции, которая благодаря мобилизации народных масс реализовала революционный вариант модернизации [3, с. 585]. Не трудно заметить, что в рамках этой концепции вестернизация мыслится как нормативный путь развития для России.

В приблизительно таком же плане рассматривает российскую интеллигенцию Мартин Малия, который правда не видит в ней никакой раздвоенности. Напротив, интеллигенция трактуется как довольно устойчивый и монолитный класс, который «мог оказывать политическое давление на самодержавие едва ли не большее, чем оказывали такие более осязаемые (palpable) классы, как дворянство и буржуазия» [16, с. 4]. Основным признаком российской интеллигенции как класса, согласно М. Малия, выступает ее «отчужденность» (alienation) от общества. И хотя такой критерий, как отчужденность, сам американский

историк признает универсальным, тем не менее он считает его релевантным по отношению к российской интеллигенции, так как «отчужденность русских интеллектуалов была более глубокой» [16, с. 4]. Эта отчужденность содействовала небывалой популярности среди российской интеллигенции революционной идеологии, которая сыграла такую решающую роль в модернизации России. «Нет в русской истории класса, — пишет М. Малия про интеллигенцию, — который оказал такое значительное влияние на судьбы своей страны или фактически всего современного мира» [16, с. 4].

Эта точка зрения на российскую модернизацию и роль в ней интеллигенции широко распространена среди западных русистов. Концепции Д. Бейрау и М. Малия в той или иной степени придерживались и придерживаются такие разные западные авторы, как Р. Пайпс, М. Раев, Д. Биллингтон, А. Келли, И. Берлин, Л. Люкс, Н. Зернов и др. [18—19, 20—21, 5, 14, 2, 15]. Для этой группы западных русистов характерна

излишняя политизация материала и увлечение «истоками» Октябрьской революции. Основными источниками формирования их концепций были различные течения российской дореволюционной публицистики и эмигрантской мысли, как правило, консервативного или либерального оттенков (например, веховская идеология). Многие из этой группы западных ученых демонстрируют склонность к историософским построениям, основанным на чрезмерных обобщениях (см. в качестве наиболее яркого примера книгу Р. Пайпса «Россия при старом режиме»). В центре внимания этих исследователей — преимущественно интеллектуальная история и политическая биография, так как ими признавалась решающая роль революционной идеологии в развитии России. В категориальном аппарате, как правило, сохраняется преемственность с терминологией российской дореволюционной и эмигрантской мысли.

2. «Школа модернизации»: наиболее яркие представители — С. Блэк, Д. Брауэр, Х. Сетон-Уотсон, С. Диксон и др. Основные факторы формирования: внешние — распад колониальной системы на рубеже 1950—1960-х гг. и активное государственное строительство (не без западного влияния) в бывших колониях, история России в рамках этого процесса могла использоваться как исторический пример, о чем неоднократно заявляли представители этой школы; научные факторы — сциентизация гуманитарных наук и бурное развитие социологии в 1960-х гг.

Концепт модернизации, однако, довольно многозначен и, например, в рамках концепции Сирила Блэка, интерпретируется как общеисторический процесс адаптации традиционных, исторически сложившихся институтов к «быстро изменяющимся функциям», отражающим беспретендентный рост человеческого знания, который позволял осуществлять контроль над окружающей средой и сопровождался научной революцией [5, с. 7]. Происхождение этого процесса, разумеется, приписывается обществам Западной Европы, а дальнейшее развертывание процесса мыслится как прямое или косвенное воздействие западных стран на другие общества, в том числе и на русское общество XVIII—XX вв. Следует заметить, что, согласно концепции С. Блэка, Западная Европа — не источник, а всего лишь один из факторов развития модернизационного процесса во всем мире. И с этой точки зрения она такая же «жертва» этого общемирового процесса, как и другие регионы мира. Все это доказывает тот факт, что С. Блэк далек от европоцентризма. Для него, как и для Симона Диксона, модернизационная теория — это наиболее эффективное средство для проведения сравнительно-исторических исследований. Так, С. Диксон в своей недавней работе подчеркивает: «Я не собираюсь отказывать русской истории в ее особой идентичности. Но, используя модернизационную теорию скорее как сравнительную аналитическую конструкцию, чем как критерий для нормативного развития, мы должны будем увидеть важнейшие параллели с западными странами…» [13, с. 7].

Эта научная школа имела ряд существенных особенностей: 1) разработала специальную теоретическую схему модернизации (см. основополагающую работу С. Блэка «Динамика модернизации» [6]); 2) интенсивно взаимодействовала с социологией, из которой заимствовала методы анализа и аналитические понятия (ср., например, термин «субкультура» у Д. Брауэра); 3) занималась в этой связи преимущественно социальной историей; 4) демонстрировала критическую дистанцию к российским идеологическим течениям дореволюционного периода, к их концепциям и «ключевым понятиям». Наиболее ярко эту тенденцию выразил Д. Брауэр, который писал по поводу использования слова «интеллигенция» российскими авторами: «Дореволюционные русские ученые, — справедливо замечает Д. Брауэр, — сами часто участвовали в политическом движении. Их работы по интеллигенции были средством оправдания своей собственной деятельности» [8, 640]. Подобные утверждения свидетельствуют о том, что представители этой школы довольно щепетильно относились к категориально-понятийному аппа-

рату исторического исследования; 5) отрицание уникальности, но не специфики российской модели; 6) использование в этой связи сравнительно-исторического метода. С помощью этого метода осуществлялись попытки выделить российский вариант в общеисторическом процессе модернизации. Согласно Хью Сетон-Уотсону характерной особенностью российской модели была неадекватная политика самодержавия в образовательной сфере, основанной на убеждении, что «образование для народа опасно» [22, с. 588]. И это, по мнению британского историка, вело к глубокому «культурному разрыву» («cultural gap») между интеллектуальной элитой и народом. Этот разрыв в свою очередь содействовал разочарованию и непрерывному отчуждению интеллигенции. Разочарование интеллигенции неизбежно вело к ослаблению позиций государства, поскольку оно не могло успешно осуществлять модернизацию без опоры на образованные слои. Напомним, что модернизация, согласно С. Блэку, это прежде всего рост знаний и образования. Просчеты самодержавной политики в области образования препятствовали адаптации к функциям, которые должно выполнять современное общество, т. е., по сути дела, вели к отставанию в развитии страны. В этом контексте российскую модернизацию часто сопоставляют с японским вариантом. «Блестящий успех Японии в первые четыре декады XX столетия» [22, с. 588] был обусловлен введением

массового образования в этой стране, что сузило «культурный разрыв» между интеллектуальной элитой и народом [22, с. 588].

Процесс модернизации подразделялся на три этапа: консолидация модернизационной элиты, экономическая и социальная трансформация, интеграция общества. Первому этапу придавалось решающее значение, так как от способности политической элиты мобилизовать ресурсы зависит весь дальнейший ход процесса. Вот почему такому субъективному фактору, как политика самодержавия, «школа модернизации» уделяла такое большое внимание при объяснении российского варианта развития.

3. «Новая культурная история» — характерный феномен информационного общества, в котором информация (т. е., по сути, некий текст или дискурс) получает онтологический статус и может воздействовать на людей с не меньшей силой, чем такие объективные феномены, как экономическое развитие, климатические условия и т. д. Информация, полагают сторонники «новой культурной истории», формирует представления и ценностные ориентации, которые детерминируют человеческое поведение. Основные представители — Э. Виртшафтер, М. Кон-

фино, М. Чернявский, П. Бианка [1, 11—12, 10, 4] и др. Сторонники данного направления признают релевантной парадигму модернизации по отношению к истории России. Но процесс модернизации как некое целое их не интересует, они, как правило, концентрируют свое внимание на идеологическом и семиотическом аспектах исторического процесса. В рамках этого направления активно развивается «гендерная история», которая ставит своей целью изучение роли и места женщин в модернизирующейся России [4].

Отношение каждого из трех проанализированных выше направлений к парадигме модернизации можно резюмировать следующим образом: 1) в рамках направления «истоков русской революции» многогранный и сложный процесс модернизации сводился, как правило, к «вестернизации», влияние «Запада» при этом в основном понималось как рецепции русской интеллигенцией разнообразных идеологических доктрин или философских систем. Интерпретация же самой «вестернизации» варьировалась в зависимости от того или иного автора, т. е. целостной и общепринятой теории не существовало. Но общим местом было признание того, что вестернизация — нормативный желательный путь развития; 2) «школа модернизации» разработала наиболее полную и всестороннюю концепцию модернизационного процесса, не ограничиваясь при этом только российским материалом; представители этого направления пытались сгруппировать события императорского периода в целостную модель и вскрыть основные закономерности развития российского варианта модернизации. Сама же модернизация трактовалась в самом широком смысле как взаимодействие традиционного и современного; 3) в «новой культурной истории» признается тот факт, что Россия периода империи находилась в процессе перехода от традиционного общества к индустриальному (или современному), но основное внимание концентрируется на более частных проблемах российской истории без притязания на создание какой-либо обобщенной модели развития за рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виртшафтер, Э.* Социальные структуры: разночинцы / Э. Виртшафтер. М., 2002.
2. Berlin Isaiah. Russian Thinkers. London, 1978.
3. *Beyrau, D.* Russische Intelligenzija und Revolution / D. Beyrau // Historische Zeitschrift. Bd. 252. 1991. S. 559—586.

4. Bianke Pietro-Enkel. Russlands «neue Menschen». Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfдngen 1860 bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt-am-Main; New York. 1999.
5. Billington James H. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian culture. New York, 1966.
6. *Black, C.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History / C. Black. New York, 1966.
7. *Black, C.* The Nature of Imperial Russian Society / C. Black // Slavic Review. 1961. Vol. 20. № 4.
8. *Brower, D. R.* The Problem of the Russian Intelligentsia / D. R. Brower // Slavic Review. №. 4. 1967. S. 638—647.
9. *Brower, D. R.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia / D. R. Brower. Ithaca, New York, 1975.
10. *Cherniavsky, M.* Tsar and People. Studies in Russian Myths / M. Cherniavsky. New Haven; London, 1961. P. 106 f.
11. *Confino, M.* On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth — and Nineteenth — Century Russia / M. Confino // Daedalus. 1972. Vol. 101.
12. *Confino, M.* Reĕvolte juveмnile et contre-culture les nihilists russes des «anneĕes 60» / M. Confino // Cahiers du monde russe et sovieĕtique. 1990. Vol. 31 (4).
13. *Dixon, Simon.* The modernization of Russia, 1676—1825 / Simon Dixon. Cambridge, 1999.
14. *Kelly, A.* Toward another shore: Russian thinkers between necessity and chance / A. Kelly. New Haven; London, 1998.
15. *Luks, L.* Intelligencija und Revolution. Geschichte eines siegreichen Scheiterns / L. Luks // Historische Zeitschrift. Bd. 249. 1989. S. 265—294.
16. *Malia, M.* What Is the Intelligentsia? / M. Malia // The Russian Intelligentsia / Ed. By R. Pipes. New York. 1961.
17. McConnell Allen By. The Origin of the Russian Intelligentsia // The Slavic and East European Journal Vol. 8, № 1. 1964.
18. *Pipes, R.* Narodnichestvo. A Semantic Inquiry / R. Pipes // Slavic Review. 1964. № 3/XXIII.
19. *Pipes, R.* The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia / R. Pipes // The Russian Intelligentsia / ed. By R. Pipes. New York, 1961.

20. *Raeff, M.* Origins of the Russian intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility / M. Raeff. New York, 1966.
21. *Raeff, M.* Home, School, and Service in the Life of the Eighteenth-Century Russian Nobleman / M. Raeff // Structure of Russian History /ed. M. Cherniavsky. New York, 1970.
22. *Seton-Watson, H.* Russia and Modernization / H. Seton-Watson // Slavic Review. 1961. Vol. 20. № 4.